

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЁВА

УРАЛЬСКИЙ САМОЦВЕТ

(К 135-летию со дня рождения П. П. Бажова)

Немного у нас писателей, которых можно назвать сказочниками, что открыли и для себя, и для читателей волшебный мир целого царства, с лесами, реками и горами, где люди находят удивительной красоты камни, каждый из которых – со своей историей и чудесным секретом.

Речь идёт о Павле Петровиче Бажове. Это он открыл для нас удивительный край, зовущийся Уралом, с его древними преданиями и песнями, что передавали из поколения в поколение живущие там работные люди. Мудрый Урал наотрез отказывался открывать людям свои богатства, если они не заслужили это своим трудом. И потому уважали люди Урал, любили его за те счастливые минуты, когда из простого, кажется, камня, обросшего мхом, в котором накрепко засели комья жёсткой земли, – через месяцы на столе у мастера начинали светиться – то колечко, то с красивыми змейками-прожилками брошь, а то и волшебная по красоте чаша, на которую могло уйти и полгода замечательного по искусности труда. Кстати, в сказе “Шелковая горка” повествуется о “тех людях, кои самих Демидовых столь высоко подняли, что их стало видно на сотни годов”.

В сказах Бажова вы встретите и уральского самородка Данилу-мастера, и невесту его Катюшу, и Хозяйку всех горных сокровищ, очень красивую, умную, но холодную, потому что в её царстве из драгоценных камней – больших и малых – всё-таки чаще всего холодно и неудобно простому человеку. Там же давно живёт и Голубая змейка, которая может и казнить, и помиловать – смотря какой человек ей встретится: добрый или злой. Тут и змей Великий Полоз, временами страшный, как Змей-Горыныч, и Серебряное копытце. “Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем – там и появится дорогой камень”, – повествует сказочник. А чары Хозяйки Медной горы пленили-таки доброго молодца Степана, и не скоро он сумел освободиться от них, вернуться к своей Настасье. Что делать, любовь – дело нешуточное.

Чем же нас так привлекают сказы Бажова? А тем, что и герои этих историй, и картины уральской природы, и сам язык произведений складывались, росли и ширились, подправлялись – в самом народе, а уже Павлом Петровичем доводились до совершенства, как драгоценные камни.

Бажов вырос здесь, в семье горнозаводского рабочего Сысертского завода близ Екатеринбурга. И ещё в детстве встретился с уральскими сказами, которыми делился с детворой заводской сторож. Тогда-то и услышал Павел о сказочном змее Полозе и его дочерях Змейёвках, о Хозяйке Медной горы, что охраняют богатства уральских гор.

Но сказки сказками, а надо было учиться, и вот как вспоминал о тех годах Павел Петрович: “Как единственный ребенок в семье при двух работоспособных взрослых, я имел возможность получить образование. Отдали меня в духовную школу, где плата за право обучения была значительно ниже против гимназий, не требовалось форменной одежды и была система “общежитий”, в которых содержание было гораздо дешевле, чем на частных квартирах”. Но, несмотря на это, средств не хватало, и Павлу вскоре пришлось самому зарабатывать и на учёбу, и на пропитание: умер отец-кормилец.

Учась в Пермской духовной семинарии, летом он много ездил по Уралу, собирал и тщательно записывал народные поверья и сказания, причём особенное внимание уделял языку, на котором те повествовались. Большим подспорьем в этом была и родная бабушка писателя Авдотья Петровна – с её певучей речью и фактами собственной жизни, когда женщины порой вынуждены были становиться старательницами или даже камнерезами.

Спустя годы будет ясно, что Бажов трудился в этих поездках не только как будущий писатель, но и учёный. Ведь годы летят очень быстро, меняется характер людей, меняется и сама страна, и залежи народного языка, образного и первородного, постепенно размываются волнами времени. Павел Петрович сумел в своих сказах во многом уберечь язык, сохранить его первозданность, в то же время максимально приблизив его к современному. Творчески относясь к возможностям народного языка, Бажов избегал, по собственному выражению, “обыгрывания фонетической неграмотности” и псевдонародности, которые порой грубо вторгаются в естественность интонации, её музыкальность. И, хоть целых шесть драгоценных тетрадей с записями стариковских рассказов оказались утерянными, Бажов и спустя годы вспоминал некоторые крылатые фразы. К примеру: “У людей канительно, а у нас просто”; “Языком – не руками, всяк бы работал”; “Чужое охаять мудрости не много надо”; “Целый вечер лясы да балясы”; “Всё у него с рывка да с тычка”.

Прошли годы. За это время он стал писателем, выпустил в 1924 году “Уральские были”, позднее – автобиографическую повесть “Зеленая кобылка”, работал корреспондентом, преподавал русский язык, на стороне красных принимал участие в Гражданской войне на Урале, – и в 1939 году вышла в свет знаменитая по сегодняшний день “Малахитовая шкатулка”. Это книга вообрала главные сказы Павла Петровича, но постепенно появлялись очередные, и книга выходила уже обновлённым изданием. Произведения Бажова вызвали огромный интерес читателей и критиков, которые признавали, что до сих пор никому из писателей не удавалось так ярко рассказать о жизни и труде горных и заводских рабочих, показать всю глубину и красоту истинного творческого труда. И абсолютно не случайно автор был награждён Сталинской премией. И, конечно, всех покорила самобытная разговорная речь героев сказов. К тому же в ней было так много тепла и любви – и к человеку, и к любому живому существу.

“Есть в наших краях маленькая голубенькая змейка. Ростом не больше четверти, и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве идет, так ни одна былинка не погнется. Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головенку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что не догонишь ее. Когда она этак-то бежит, вправо от нее золотая струя сыплется, а влево черная-пречёрная”, – повествует в рассказе “Голубая змейка” Павел Петрович.

“Колдун уральский бородатый” – так выразился о Бажове в стихах Демьян Бедный. Да и фамилия Бажов происходит от местного слова “бажить” – то есть ворожить, предсказывать. И Павел Петрович действительно творчески “ворожил”, уводил читателя в свои удивительные истории.

“Сказка – ложь, да в ней намёк”. Прекрасно зная русскую литературу, Бажов хорошо помнил, что даже в самой фантастической сказке не обойтись без “намёка”. Вот и в “Голубой змейке” так.

“Тут Лейко с Ланком взмолились:

– Тетенька, мы тебя не звали.

– А я, – отвечает, – сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

– Отпусти, тетенька, мы больше не будем. И без того два раза подрались из-за тебя!

– Не всякая, – говорит, – драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли... Коли который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет, коли пустяк – выйдет бросовый камешок”.

Тут бы и мне своё словечко вставить: “А ларчик просто открывался”. Почему столько добра и света излучали эти, порой совсем немудрёные сказы? Обратимся же за помощью к воспоминаниям современников о Бажове.

Писательница Анна Караваева: “...Многословия не любил, голос негромкий, всегда незаметен он как-то оставался, а дело двигалось, и душевное тепло от него людям шло... Огонь в доме – вот с чем сравнить его хочется”.

Писатель Фёдор Гладков: “...Все чувствовали себя около него бодро, словно его доброта и обаяние, скромность и спокойная уравновешенность исцеляли всякие душевные ранения и заставляли забывать неизбежные в эти тяжёлые дни (шла война) неприятности...”

В своих произведениях Бажов поднял и очень важную тему – что такое настоящий художник, творящий искусство. Особенно ярко эта тема выписана в сказе “Каменный цветок”. Его герой, Данила-мастер, нашёл-таки, казалось бы, тот самый камень, что позволит ему сотворить волшебный каменный цветок, не отличающийся от живого. “Всё, как ему надо: цвет снизу погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется... Ну, всё как есть”. А чаша не получилась. И мастер опять обращается за помощью к Малахитнице. “Не могу больше, – жалуется Данила Хозяйке горы. – Измаялся весь, не выходит. Покажи каменный цветок”. Та вняла его просьбе, показала. Но и после этого удача не далась мастеру, потому что ещё не было у него в сердце своего образа, который бы помог оживить твёрдый, холодный, хотя и красивый камень.

О поисках художника, его постоянном влечении к совершенству, говорят и такие сказы, как “Горный мастер”, “Хрупкая веточка”, “Железковы покрывки”. Причём если в преданиях горнорабочих Хозяйка Медной горы – владелица горных богатств, то у Бажова она – помощница настоящему художнику, если он это заслужил, идя трудной и желанной дорогой к искусству.

Своя дорога была и у Бажова-творца. Среди русских писателей особенно близок ему оказался Чехов. “...отчетливо помню, что и когда впервые прочитал. Помню даже место, где это происходило... Семинарское начальство свирепо относилось ко всей литературе без “допустительной отметки”... и надо было читать эту книжку, когда “недреманное око отупеет”. Лучше всего это удавалось между ужином и сном, от девяти до одиннадцати. Эти часы представлялись усмотрению бурсаков...” Но и позднее писатель не раз обращался к Антону Павловичу. “Чехов последних лет никогда не заслонит в моем сознании молодого Чехова, когда он легко и свободно, блестя молодыми глазами, плыл по безграничному простору великой реки. И всем было ясно, что и река русская, и пловец русский”, – писал он в дневниках.

Так, фактически самостоятельно, овладевал Павел Бажов нужными знаниями для своей литературной работы и, естественно, находил авторов, близких себе по духу. К примеру, очень ценил Лескова за ранние произведения, такие, как “Соборяне” и “Очарованный странник”, в которых наряду с жизненной правдой буквально сияло мастерство художника слова.

Надо сказать, что параллельно с творческой работой Павел Петрович всегда принимал активное участие в общественной жизни своего уральского региона. В годы Отечественной войны Бажов берёт на себя заботы не только о свердловских писателях, но и тех литераторах, что вынуждены были эвакуироваться из родных мест. Причём не оставляя работы редактора во фронтовой и местной печати. И после войны он не раз избирался депутатом, в том числе Верховного Совета, проводил большую работу по наказам земляков. И даже когда зрение писателя стало резко ухудшаться, он всё-таки ещё долгое время продолжал и писательскую, и редакторскую деятельность (в издании “Уральского современника”), и научную работу по фольклору, руководил Союзом свердловских писателей.

Писатель Евгений Пермьяк, давний друг Бажова, утверждал: “Надо родиться на Урале и прожить столько лет, чтобы так его знать и так его любить. Разве можно не любя создать такую “Малахитовую шкатулку”? Павел Петрович – сверкающий самоцвет литературного Урала!” И он же добавлял: “У Бажова и прозвище мальчишечье уличное было – Колдунков, и один из литературных псевдонимов – Колдунков Егорша. А без бороды – что за колдун?”

И впрямь, большинство известных портретов Бажова – где он в возрасте и с бородой. И, если сравнивать Павла Петровича с колдуном, то только с мудрым и очень добрым.

Жизненный путь уральского сказителя закончился в 1950 году. Похоронен он в Свердловске, ныне Екатеринбурге.

Надо ли говорить, что вклад Павла Бажова в русскую литературу весомо отмечен благодарными потомками. Так, в 1999 году в ознаменование 120-летия со дня рождения писателя была учреждена Литературная премия имени П. П. Бажова. Его имя носят библиотеки, улицы, музеи. Установлены памятники и мемориальные доски в местах, где он жил и трудился. Естественно, большинство из них “прописалось” на Урале. Остаётся добавить, что по мотивам сказов Бажова создан кинофильм “Каменный цветок”, опера Кирилла Молчанова “Сказ о каменном цветке”, одноимённый балет Сергея Прокофьева и многие другие произведения музыки, скульптуры и живописи. Доброе сердце сказочника и сегодня с нами.